

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

от 25 сентября 2020 года № 310-ЭС20-6760

г. Москва

Дело № А14-7544/2014

Резолютивная часть определения объявлена 21 сентября 2020 года.

Полный текст определения изготовлен 25 сентября 2020 года.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в составе:

председательствующего судьи Букиной И.А.,
судей Капкаева Д.В. и Самуйлова С.В. –

рассмотрела в открытом судебном заседании кассационную жалобу Управления Федеральной налоговой службы по Воронежской области (далее – уполномоченный орган) на определение Арбитражного суда Воронежской области от 14.06.2019, постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.09.2019 и постановление Арбитражного суда Центрального округа от 30.01.2020 по делу № А14-7544/2014 о несостоятельности (банкротстве) закрытого акционерного общества «УГМК-Рудгормаш» (далее – должник), а также ходатайство уполномоченного органа о принятии обеспечительных мер по указанному делу.

В судебном заседании приняли участие представители:

уполномоченного органа – Корнюшина Ю.И. по доверенности от 30.03.2020, Чистякова Ю.А. по доверенности от 11.09.2020 и Степанов О.С. по доверенности от 12.02.2020;

общества с ограниченной ответственностью Управляющая

компания «Рудгормаш» (далее – компания) – Лавров К.В. по доверенности от 20.06.2018.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Букиной И.А. и объяснения представителей участвующих в обособленном споре лиц, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации

У С Т А Н О В И Л А:

в рамках дела о банкротстве должника конкурсный управляющий Ничков А.В. (а затем Чабанов В.А.) и уполномоченный орган обратились с заявлениями о привлечении Можайтова Аркадия Романовича, Герасимовой Марии Тимофеевны и общества с ограниченной ответственностью Управляющая компания «Рудгормаш» (далее – компания) к субсидиарной ответственности по обязательствам должника.

Определением суда первой инстанции от 14.06.2019, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной инстанции от 11.09.2019 и округа от 30.01.2020, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Уполномоченный орган обратился в Верховный Суд Российской Федерации с кассационной жалобой, в которой просит обжалуемые судебные акты отменить.

Определением Верховного Суда Российской Федерации от 03.08.2020 (судья Букина И.А.) кассационная жалоба вместе с делом переданы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

Перед судебным заседанием 16.09.2020 уполномоченный орган обратился с ходатайством о принятии обеспечительных мер в виде наложения ареста на имущество компании. Определением от 17.09.2020 названное ходатайство принято к производству для совместного рассмотрения с кассационной жалобой.

Перед судебным заседанием от конкурсного управляющего поступило ходатайство о рассмотрении дела в отсутствие его представителя.

В отзывах на кассационную жалобу конкурсный управляющий просит обжалуемые судебные акты отменить, а компания – оставить их без изменения.

В судебном заседании представители уполномоченного органа поддержали доводы, изложенные в кассационной жалобе, а также в заявлении о принятии обеспечительных мер, а представитель компании – возражал в отношении как жалобы, так и ходатайства о принятии мер.

Проверив материалы обособленного спора, обсудив доводы, изложенные в кассационной жалобе и отзывах на нее, заслушав представителей участвующих в деле лиц, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям.

При разрешении спора суды установили, что ответчики Можайтов А.Р. и Герасимова М.Т. являются контролирующими должника лицами, поскольку Можайтов А.Р. с 27.04.2009 по 12.08.2014 (дата вступления в силу решения суда о его дисквалификации) исполнял обязанности генерального директора должника, а Герасимова М.Т. с 05.07.2012 являлась владельцем 8 акций должника, составляющих 80% его уставного капитала.

В то же время суды не усмотрели в действиях названных лиц оснований для привлечения их к субсидиарной ответственности. В частности, суды отметили, что несмотря на нарушение Можайтовым А.Р. обязанности по своевременному обращению с заявлением должника о собственном банкротстве, обязательства за период с момента, когда директор должен был обратиться с заявлением (не позднее 28.04.2014), до момента фактического возбуждения дела (27.06.2014) у должника не возникли, в силу чего не имеется оснований для привлечения Можайтова А.Р. к ответственности по правилам пункта 2 статьи 10 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (здесь и далее, если не указано иное, в части, касающейся материально-правовых норм, в редакции Федерального закона от 28.06.2013 № 134-ФЗ).

Равным образом суды не нашли оснований для привлечения названных лиц к ответственности и по правилам пункта 4 статьи 10 Закона о банкротстве за невозможность погашения требований кредиторов. Суды отметили, что обязанность по передаче документации должника конкурсному управляющему исполнена, при этом доводов о наличии каких-либо иных действий, приведших должника к банкротству, истцами не приведено.

Относительно требований к компании суды отметили, что она не являлась контролирующим должника лицом. При этом судами отклонены ссылки на наличие у компании права давать обязательные для исполнения должником указания ввиду имеющихся между ними формально-юридических признаков аффилированности, как например: совпадение участников и лиц, входящих в органы управления компании и должника в отдельные периоды времени; вхождение в единый холдинг, занимающийся проектировкой, производством и сбытом горнодобывающего и горно-обогачительного оборудования; заключение между данными лицами ряда гражданско-правовых

договоров в период, предшествовавший возбуждению дела о банкротстве и т.д. Суды указали, что сами по себе названные признаки еще не свидетельствуют о наличии контроля компании над должником.

Судами также отклонены ссылки на положения подпункта 3 пункт 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве (презумпция наличия контроля в силу извлечения выгоды от деятельности должника), так как названная норма введена в действие Федеральным законом от 29.07.2017 № 266-ФЗ, который не распространяется на спорные отношения.

Суды также пришли к выводу, что заключение договора подряда от 04.05.2011 № 22В-11 и договора на переработку давальческого сырья от 13.01.2014 не могли являться причиной возникновения убытков у должника и повлечь его банкротство. Суды отметили, что прямая причинная связь между заключением данных договоров и возникновением у должника непокрытого убытка на конец 2013 года документально не подтверждена. Не подтвержденными, по мнению судов, являются и доводы уполномоченного органа о том, что встречное предоставление со стороны компании заведомо не позволяло должнику покрыть фактические расходы на производство передаваемой по условиям данных договоров продукции.

Суды отклонили также доводы уполномоченного органа об осуществлении компанией контроля над финансовыми потоками должника, поскольку осуществление за должника платежей в пользу третьих лиц, которые начали массово производиться только начиная с 2014 года, было обусловлено блокировкой счетов должника на основании инкассовых поручений налогового органа и само по себе не указывает на наличие контроля за финансовыми потоками.

При таких условиях суды в полном объеме отказали в удовлетворении заявленных требований.

Между тем судами не учтено следующее.

Обращаясь с исковыми требованиями, конкурсный управляющий и уполномоченный орган ссылались на совершение ответчиками с 2011 года по 2014 год действий, повлекших банкротство должника.

Поскольку субсидиарная ответственность по своей правовой природе является разновидностью ответственности гражданско-правовой, материально-правовые нормы о порядке привлечения к данной ответственности применяются на момент совершения вменяемых ответчикам действий (возникновения обстоятельств, являющихся основанием для их привлечения к ответственности (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.08.2018 № 308-ЭС17-6757 (2, 3) по делу № А22-941/2006).

Следовательно, в данном случае подлежали применению

положения Закона о банкротстве в редакции Федеральных законов от 28.04.2009 № 73-ФЗ, от 28.06.2013 № 134-ФЗ. В связи с этим суды верно указали, что предусмотренная подпунктом 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве презумпция контроля над должником у лица, которое извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в пункте 1 статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, в рассматриваемом случае не применима, подобная презумпция в предыдущих редакциях Закона отсутствовала.

Однако это не означает, что при доказывании в общем порядке (статья 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации) наличия контроля у лица, не имеющего формально-юридических полномочий давать должнику обязательные для исполнения указания, истец лишен возможности ссылаться на приведенные в упомянутой презумпции обстоятельства. Несмотря на то, что подобные факты применительно к рассматриваемому периоду не образуют презумпцию контроля, суд должен дать им правовую оценку в контексте всей совокупности обстоятельств, установленных по обособленному спору, тем более, что на данные обстоятельства ссылался участник судебного спора.

Как отмечено в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.09.2019 № 305-ЭС19-10079 (далее – определение № 305-ЭС19-10079), предусмотренное, например, статьей 10 Закона о банкротстве (в редакции Федерального закона от 28.06.2013 № 134-ФЗ) такое основание для привлечения к субсидиарной ответственности как «признание должника несостоятельным вследствие поведения контролирующих лиц» по существу мало чем отличается от предусмотренного действующей в настоящее время статьей 61.11 Закона основания ответственности в виде «невозможности полного погашения требований кредитора вследствие действий контролирующих лиц», а потому значительный объем правовых подходов к толкованию положений как прежнего, так и ныне действующего законодательства является общим (в том числе это относится к разъяснениям норм материального права, изложенным в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее – постановление № 53)).

По смыслу пунктов 4, 16 названного постановления № 53 осуществление фактического контроля над должником возможно вне зависимости от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков аффилированности. Суд устанавливает степень

вовлеченности лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, в процесс управления должником, проверяя, насколько значительным было его влияние на принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника. Если сделки, изменившие экономическую и (или) юридическую судьбу должника, заключены под влиянием лица, определившего существенные условия этих сделок, то такое лицо подлежит признанию контролирующим должника. При этом суд оценивает существенность влияния действий (бездействия) контролирующего лица на положение должника, проверяя наличие причинно-следственной связи между названными действиями (бездействием) и фактически наступившим объективным банкротством.

В обоснование своей позиции уполномоченный орган на всем протяжении рассмотрения обособленного спора ссылался на следующие обстоятельства.

Должник и компания входят в корпоративную группу, которая занимается производством и сбытом горнодобывающего и горно-обогатительного оборудования.

До 2011 года продукция группы производилась ЗАО «РудГорМаш» (ИНН 6832041730) на основании договора давальческого сырья от 01.09.2009 № 728, заключенного с компанией. Получая готовое оборудование, компания осуществляла его дальнейшую реализацию конечным потребителям, в том числе на экспорт. ЗАО «РудГорМаш» ликвидировано по результатам процедуры банкротства (дело № А14-9018/2009). В связи с ликвидацией названного общества налоговым органом списана непогашенная задолженность по обязательным платежам в размере 256 млн. руб.

Впоследствии функции по производству оборудования в группе переданы должнику (ЗАО «УГМК-Рудгормаш»). Аналогичным образом компанией с должником и с ООО «ГМК Рудгормаш» были заключены договоры на переработку давальческого сырья от 04.05.2011 № 22В-11, от 20.05.2011 № 24В-11. По указанным договорам должник и ООО «ГМК Рудгормаш» производили буровые станки, грохоты, сепараторы, питатели, самоходные вагоны, транспортные машины, машинно-комплекты, комплекты запасных частей и т.д., которые передавались компании для дальнейшей реализации конечным потребителям. После ликвидации предыдущего подрядчика (ЗАО «РудГорМаш») его работники переведены в штат должника, в том числе генеральный директор Ермолов В.А., который принят на должность директора по производству.

Как полагал уполномоченный орган, с момента заключения договора от 04.05.2011 № 22В-11 должник утратил возможность получать доход от своей деятельности, на протяжении 2012-2014 гг. финансовые результаты деятельности общества являлись убыточными.

При этом выручка общества за названные периоды практически соответствовала себестоимости производимой продукции:

- за 2012 год выручка составила 1 712 млн. руб., в то время как себестоимость равнялась 1 546 млн. руб.;

- за 2013 год – 913 млн. руб. против 878 млн. руб.;

- за 2014 год – 707 млн. руб. против 687 млн. руб.

Тем самым, как отмечала ФНС, показатели чистого денежного потока межгрупповых отношений свидетельствуют о недостаточности разницы между доходной и расходной частями корпоративного взаимодействия, в том числе на затратную часть фонда оплаты труда.

Нахождение выручки должника на грани себестоимости, по мнению уполномоченного органа, связано с установлением необоснованно низкой цены по спорному договору № 22В-11. При этом в результате поддержания схемы по переработке давальческого сырья (в том числе с учетом продления срока действия названного договора и заключения в 2014 году нового договора с аналогичным содержанием) у компании отсутствовали затраты, связанные с давальческими операциями, в то время как в процессе производства все расходы нес должник. К числу таких расходов относятся: оплата труда основных рабочих, страховые взносы во внебюджетные фонды, общепроизводственные, общехозяйственные и прочие расходы, услуги по кооперации, расходы на сбыт, резервы на гарантийный ремонт, налоги на добавленную стоимость и прибыль (т. 23, л.д. 105, 106).

При этом после блокировки счетов должника по требованию налогового органа денежные средства за выполненные для компании работы не перечислялись на счет должника, а направлялись его контрагентам по обязательствам, которые относятся непосредственно к производственному процессу и реализации продукции. Так, в общей сложности с начала 2014 года до возбуждения дела о банкротстве (24.06.2014) в обход счета должника и соответственно в обход требований уполномоченного органа перечислены денежные средства на общую сумму 502 млн. руб. Налоговый орган полагает, что принимая вместо самого должника решения, кому направлять причитающиеся ему денежные средства, компания осуществляла контроль финансовых потоков, то есть непосредственное управление должником.

В настоящее время непогашенная задолженность по обязательным платежам составляет 319 млн. руб.

Уполномоченный орган указывал, что на дату открытия конкурсного производства по настоящему делу в штате должника числился 661 работник, 30.09.2015 данные работники уволены.

После этого названные сотрудниками контролирующими группой компаний лицами переведены в ООО «РГМ-Комплект»

(ИНН 366114287), которое продолжило выполнять ту же функцию по производству продукции, для чего между названным обществом и компанией заключен новый договор на переработку давальческого сырья от 01.10.2015 № 18. В настоящее время в отношении ООО «РГМ-Комплект» также введена процедура банкротства – наблюдение (дело № А14-5331/2017).

Ввиду изложенных доводов судебная коллегия полагает необходимым отметить следующее.

Согласно позиции, изложенной в определении № 305-ЭС19-10079, судебное разбирательство о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по основанию невозможности погашения требований кредиторов должно в любом случае сопровождаться изучением причин несостоятельности должника. Удовлетворение подобного рода исков свидетельствует о том, что суд в качестве причины банкротства признал недобросовестные действия ответчиков. И напротив, отказ в иске указывает на то, что в основе несостоятельности лежат иные обстоятельства, связанные с объективными рыночными факторами, либо что принятая предприятием стратегия ведения бизнеса хотя и не являлась недобросовестной, но ввиду сопутствующего ведению предпринимательской деятельности риску не принесла желаемых результатов.

В данном случае судам надлежало по существу исследовать приведенные уполномоченным органам доводы, поскольку они указывали на искусственный характер возникновения у должника имущественного кризиса.

Если названные доводы уполномоченного органа соответствуют действительности, то это может означать следующее.

Фактически в корпоративной группе Рудгормаш была реализована бизнес-модель, предполагающая получение должником выручки от осуществляемой им деятельности значительно ниже того, на что он вправе был бы рассчитывать в рамках рыночных отношений. Несмотря на то, что получение дохода ниже объективного потенциала прибыли от производственной деятельности само по себе не является незаконным и находится в сфере ведения органов управления корпорации (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 04.12.2012 № 8989/12), с точки зрения законодательства о банкротстве такая деятельность приобретает недобросовестный характер в момент, когда она начинает приносить вред кредиторам, то есть когда поступления в имущественную массу должника становятся ниже его кредиторской нагрузки.

Неоднократное (системное) воспроизведение одних и тех же результатов хозяйственной деятельности у последовательно

сменяющих друг друга производственных единиц с конкретным функционалом внутри корпоративной группы в виде накопления значительной долговой нагрузки перед независимыми кредиторами (в данном случае – перед уполномоченным органом по обязательным платежам) с периодическим направлением этой единицы в процедуру банкротства для списания долгов и созданием новой, не обремененной долгами – указывает на цикличность бизнес процессов внутри группы с заведомым разделением предпринимательской деятельности на убыточные (ЗАО «РудГорМаш», должник, ООО «РГМ-Комплект») и прибыльные (компания) центры. По крайней мере, ответчики не ссылались на то, что имеется иное рациональное объяснение совокупности действий, систематически приводящих к одним и тем же последствиям. Такую деятельность нельзя признать добросовестной, поскольку она причиняет вред независимым кредиторам и создает для корпоративной группы необоснованные преимущества, которые ни один участник соответствующего рынка, находящийся в схожих условиях, не имел бы. В данном случае преимущества выразились в отсутствии необходимости уплачивать обязательные платежи.

Привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов. При его применении не может быть проигнорирована сущность конструкции юридического лица, предполагающая имущественную обособленность этого субъекта, его самостоятельную ответственность (статьи 48, 56 Гражданского кодекса Российской Федерации), наличие у участников корпорации и иных лиц, входящих в состав органов юридического лица, широкой дискреции при принятии (согласовании) управленческих решений в сфере бизнеса. В то же время контролирующие и действующие с ними совместно лица не вправе злоупотреблять привилегиями, которые предоставляет возможность ведения бизнеса через юридическое лицо, намеренно причиняя вред независимым участникам оборота (статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации). Если приведенные выше доводы уполномоченного органа соответствовали действительности, необходимо признать, что описанная бизнес-модель группы Рудгормаш выходит за пределы предпринимательского риска и подтверждает подобное злоупотребление корпоративной формой.

Суды в нарушение положений статей 71, 168, 170 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации по существу доводы уполномоченного органа не рассмотрели, ограничившись констатацией того, что компания не является контролирующим должника лицом.

Однако данный вопрос не имел принципиального значения для принятия решения по существу спора. Уполномоченный орган указывал, что Герасимова М.Т. являлась основным акционером

(участником) как должника, так и компании (по 80 % соответственно). Даже если исходить из того, что недобросовестно получающее от деятельности должника выгоду лицо не контролирует должника, то наиболее вероятной причиной подобного поведения является возможность Герасимовой М.Т. как лица, контролировавшего обе стороны, определять действия каждой из них, неравномерно перераспределяя активы внутри группы. Подобный правовой подход применительно к вопросам субординации требований известен российскому правопорядку и изложен в пункте 4 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020. Тем самым компания в отсутствие статуса контролирующего лица может быть признана действующей совместно с Герасимовой М.Т. (статья 1080 Гражданского кодекса Российской Федерации), поскольку фактически выступала в качестве соисполнителя (пункт 22 постановления № 53), что приводит к одним и тем же материально-правовым последствиям для ответчика в случае удовлетворения иска.

В связи с тем, что в принятых по обособленному спору судебных актах содержатся нарушения норм права, которые повлияли на исход рассмотрения дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов уполномоченного органа в сфере экономической деятельности, данные судебные акты на основании части 1 статьи 291.11 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации подлежат отмене с направлением спора на новое рассмотрение.

При новом рассмотрении суду необходимо, приняв во внимание изложенное, по существу оценить доводы уполномоченного органа и установить реальную причину банкротства должника.

Относительно ходатайства о принятии обеспечительных мер судебная коллегия отмечает следующее.

Согласно части 1 статьи 90 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации арбитражный суд по заявлению лица, участвующего в деле, а в случаях, предусмотренных Кодексом, и иного лица может принять срочные временные меры, направленные на обеспечение иска или имущественных интересов заявителя (обеспечительные меры).

Обеспечительные меры допускаются на любой стадии процесса при наличии одного из следующих оснований: если непринятие этих мер может затруднить или сделать невозможным исполнение судебного акта, в том числе, если исполнение судебного акта предполагается за

пределами Российской Федерации; в целях предотвращения причинения значительного ущерба заявителю. Кроме того, применяемая конкретная обеспечительная мера должна быть связана с предметом заявленного требования, соразмерна ему, она должна обеспечивать фактическую реализацию целей обеспечительных мер.

В обоснование своего ходатайства уполномоченный орган ссылается на риск отчуждения компанией своего имущества, что затруднит исполнение судебного акта в случае удовлетворения иска. Между тем, судебная коллегия приходит к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения названного заявления, так как доводы уполномоченного органа не подтверждают разумные подозрения наличия предусмотренных частью 2 статьи 90 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации оснований для принятия обеспечительных мер. В случае появления названных выше подозрений уполномоченный орган не лишен возможности заявить ходатайство о принятии обеспечительных мер при рассмотрении дела по существу в суде первой инстанции.

Руководствуясь статьями 291.11 – 291.14 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации

О П Р Е Д Е Л И Л А:

определение Арбитражного суда Воронежской области от 14.06.2019, постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.09.2019 и постановление Арбитражного суда Центрального округа от 30.01.2020 по делу № А14-7544/2014 отменить.

Обособленный спор направить на новое рассмотрение в Арбитражный суд Воронежской области.

В удовлетворении заявления Управления Федеральной налоговой службы по Воронежской области о принятии обеспечительных мер по делу № А14-7544/2014 Арбитражного суда Воронежской области отказать.

Председательствующий-судья

И.А. Букина

судья

Д.В. Капкаев

судья

С.В. Самуйлов